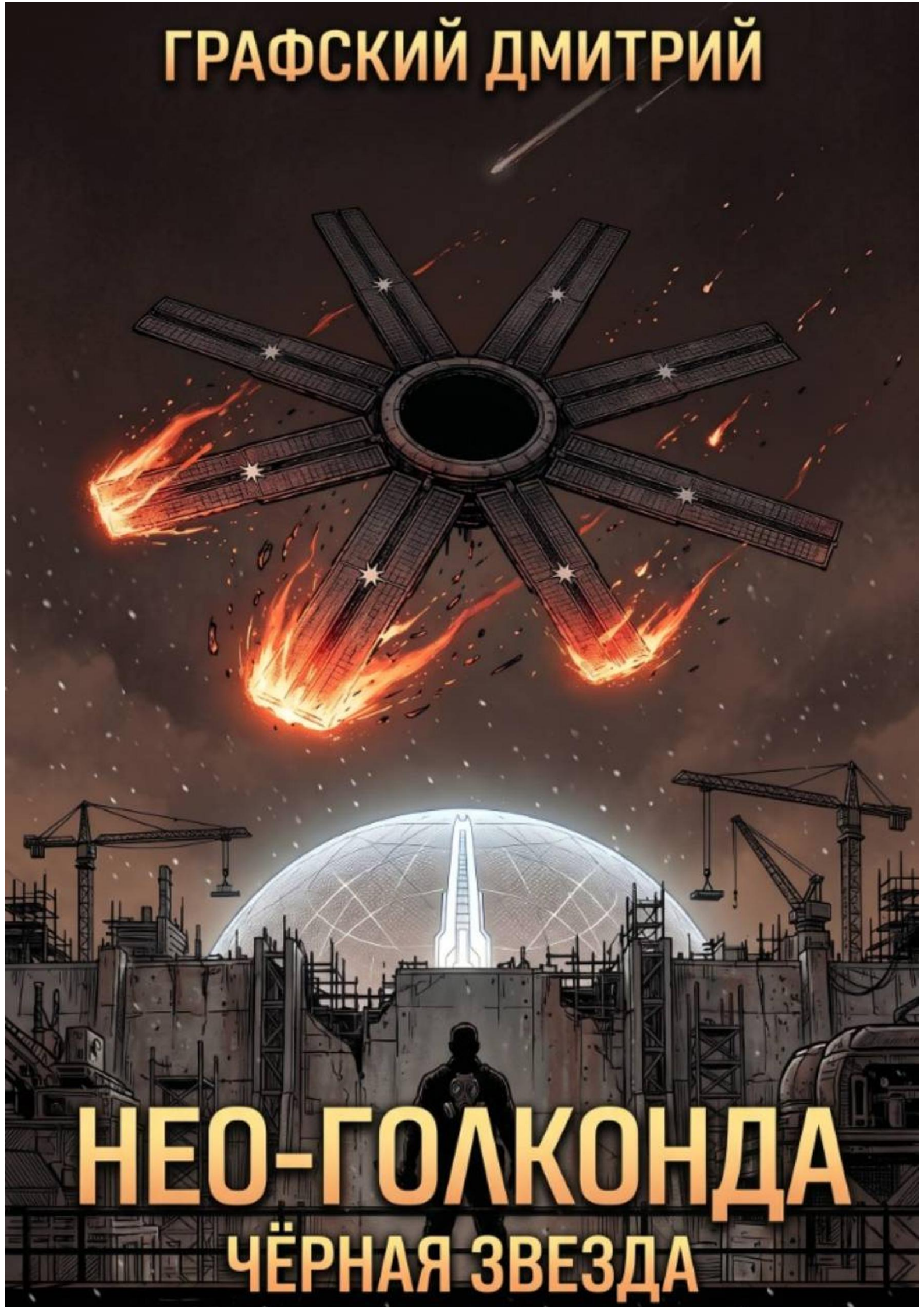

ГРАФСКИЙ ДМИТРИЙ

НЕО-ГОЛКОНДА
ЧЁРНАЯ ЗВЕЗДА

Дмитрий Графский

Нео-Голконда: Чёрная звезда

«Автор»

2026

Графский Д. Г.

Нео-Голконда: Чёрная звезда / Д. Г. Графский — «Автор», 2026

Девяносто два года назад небо над Голкондой сгорело за одну весну. Церковь Последнего Фильтра учит, что оно устало быть в долгу и упало само. Раз в год, в одну и ту же ночь, Отец Шуруп спускается в Подполье с армейским ящиком, в котором хранятся три реликвии: оплавленный голос с неба, свиток бывшей служанки и стальная пластина, которую он никогда не переворачивает при пастве. Этой ночью он откроет ящик для серых Пятого завода. И этой же ночью гора, на которой стоит город, впервые за тридцать лет дрогнет у него под ногами. Бесплатная повесть-приквел к роману «Нео-Голконда: Нулевое эхо». Читается как самостоятельная история.

© Графский Д. Г., 2026

© Автор, 2026

Содержание

I. ЯЩИК С КОСТЯМИ	6
II. ГОЛОС С НЕБА	9
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Дмитрий Графский

Нео-Голконда: Чёрная звезда

Девяносто два года назад небо над Голкондой сгорело за одну весну. Церковь Последнего Фильтра учит, что оно устало быть в долгу и упало само.

Раз в год, в одну и ту же ночь, Отец Шуруп спускается в Подполье с армейским ящиком, в котором хранятся три реликвии: оплавленный голос с неба, свиток бывшей служанки и стальная пластина, которую он никогда не переворачивает при пастве.

Этой ночью он откроет ящик для серых Пятого завода. И этой же ночью гора, на которой стоит город, впервые за тридцать лет дрогнет у него под ногами.

Бесплатная повесть-приквел к роману «Нео-Голконда: Нулевое эхо». Читается как самостоятельная история.

I. ЯЩИК С КОСТЯМИ

Небо было ничьим, пока его не взяли в долг.
Семеро взяли его и надели ему на шею семь ошейников.
Когда долг стал тяжелее неба, небо упало на должников.
Но должниками оказались все.
— «Голоса из трубы». Книга Падения, стих первый

Серые приходили в Подполье по одному, и этот обычай, который никто никогда не вводил, соблюдался так строго, словно был выцарапан на алтарной лопасти, хотя держался он не на страхе, а на простой и давней привычке.

Ошейник исправно считал шаги, пульс и паузы в работе, он знал, сколько раз за смену человек присел у пресса и как забилося у него сердце, когда мимо прошёл смотритель. Но считать людей, которые идут порознь и молчат, ошейник так и не научился, поэтому серые шли порознь и молчали всю дорогу, от цеха до самого дна.

Спускались они после третьей смены, когда турбины Пятого завода, ревели весь день так, что звук давил на грудь, переходили на ночной гул, низкий и ровный, похожий на дыхание спящего великана. Путь вёл по скобам, вбитым в стены вентиляционных шахт задолго до рождения любого из них, а дальше по старым тропам между трубами, которые знал Отец Шуруп и те немногие, кому он однажды их показал. Внизу серые садились прямо на бетон, тёплый от проходящих под ним труб, и ждали в тишине, потому что за день они наговорились с машинами и для людей слов у них почти не оставалось.

Среди них были старики с лицами цвета цементной пыли, хотя многим из этих стариков не исполнилось и пятидесяти, и женщины, которые не успели смыть с рук смазку и теперь держали ладони на коленях так, будто это были чужие руки. Были подростки, у которых ошейник ещё болтался на тонкой шее и натирал кожу до красноты, и взрослые, у которых кожа под ним давно огрубела и блестела, как старая мозоль.

У многих в теле сидело железо: у одного шунт под ключицей, у другого пальцы из проволоки и пружин, у третьего клапан в горле, который тонко свистел на каждом вдохе. И у каждого, кто носил железо, на поясе висела фляга с бурым мутным сиропом, на которой стояла печать, хотя вслух эту печать здесь не называл никто.

Тот, кто долго живёт без неба, не перестаёт в нём нуждаться, он просто начинает искать его в другом: в ржавчине, в копоти, в собственном стуке по трубе. Когда-то люди строили храмы из мрамора и золота, а здесь их собирали из того, что выбросил завод, и эти храмы были ничем не хуже прежних.

Алтарём в Подполье служил мёртвый фильтр, огромная лопасть в два человеческих роста, которую когда-то сняли с вытяжной башни и притащили сюда так давно, что никто уже не помнил, кто это сделал и как. Лопасть стояла, прислонившись к стене, и в её наклоне было что-то человеческое, словно кто-то очень усталый привалился плечом отдохнуть. Металл почернел от копоти, а по всей его поверхности, от основания до острого края, тянулись имена.

Их выцарапывали гвоздём, глубоко и старательно, и почерки были разные: одни буквы выходили крупными и ровными, будто человек писал никуда не торопясь, а другие мелкими и косыми, словно их выводили в темноте или сквозь слёзы. Возле одних имён стояли крестики, и это значило, что человек умер. Возле других были кружки, и о них серые говорили редко и с особым выражением лица, с каким говорят о том, на что сами не решились бы никогда.

Свечи из технического жира чадили в банках из-под смазки, пахли салом и горелой изоляцией, а их пламя вздрагивало от каждого вздоха вентиляции под потолком. Там, в перепле-

тении труб, что-то мерно капало, неторопливо отсчитывая время, как часы в давно опустевшем доме.

Шуруп вышел к алтарю с ящиком в руках.

Священник был маленький, сухой и сутулый, а его лохмотья, когда-то бывшие сутаной, держались на поясе обрывком приводного ремня. Левая половина лица осталась его собственной, морщинистой и обветренной, с седой щетиной на щеке, а правую заменял гладкий тёмный металл с круглым манометром, впаянным в глазницу. Стрелка этого манометра жила своей отдельной жизнью и выдавала всё то, что живая половина лица давно научилась прятать.

Ящик был армейский, оружейный, с полустёртой маркировкой и двумя ручками по бокам, и Шуруп нёс его в обнимку, как носят спящего ребёнка, а потом опустил на бетон бережно, без единого звука. Он сел рядом и долго возился с замком жёсткими пальцами, покрытыми мозолями и машинным маслом. Этот замок он открывал раз в год все последние тридцать лет, и всё равно тот не поддавался, будто тоже знал, что хранится внутри.

Стрелка манометра подрагивала, и серые прекрасно понимали, что это значит: Отец волновался.

— Ты обещал, — сказала девочка из первого ряда.

Ей было лет четырнадцать, она была худая и коротко стриженная, в рабочей куртке на три размера больше, из закатанных рукавов которой торчали тонкие запястья. Ошейник у неё на шее светился ровным зелёным светом, сообщая всем, что смена закрыта, пульс в норме и нарушений нет. Звали её Ина, и работала она на Девятой линии, на прессах, где взрослым отрывало пальцы, а детям нет, потому что детские пальцы быстрее.

Мать Ины тоже стояла у пресса, пока ей однажды не оторвало кисть, и тогда завод поставил ей новую, из проволоки и пружин, бесплатно, как ставил всем. Вместе с кистью мать получила флягу сиропа и новую строку в карточке ошейника: пайка раз в неделю у окошка смотрителя. Она говорила, что рука хорошая и жаловаться на неё грех.

Через четыре года под браслетом крепления пошла чёрная гниль, а пайка осталась прежней, и ещё через полгода имя матери появилось на лопасти с крестиком рядом. Ина выцарапала его сама.

С тех пор она прятала руки в рукава и работала быстрее всех на линии, потому что твёрдо знала: тот, кто однажды замешкается у пресса, получит от завода новую руку, а вместе с рукой и поводок, который уже никогда не снимешь.

— Обещал, дочь, — ответил Шуруп, и замок наконец щёлкнул. — Про небо.

— Про то, как оно упало.

— Про то, как его уронили, — сказал Шуруп и тут же поправился, хрипло, словно закашлялся: — Как оно упало. Да.

Он поднял крышку.

Внутри, в гнёздах из промасленной ветоши, лежали три вещи, и серые разом подались вперёд, так что пламя свечей качнулось вместе с ними. Ящик видели многие, но открытым его не видел почти никто.

Первой лежала чёрная коробка размером с голову ребёнка, оплавленная, с вмятиной на боку и решёткой динамика, к которой кто-то позже грубо приделал на заклёпках ручку завода. Рядом лежал свёрток прозрачной плёнки, туго скатанный и перехваченный проволокой, и сквозь плёнку белели листы, исписанные мелким бережливым почерком.

Третьей была стальная пластина, толстая, величиной с ладонь, с отверстием для цепи. Она лежала в своём гнезде лицом вниз, и Шуруп не стал её трогать.

— Книгу Падения вы знаете, — начал он. — Мать читала вам её над колыбелью, если у вас была мать. Если не было, читал я. Голконда, земля наша, была стара уже тогда, когда пришли семеро. Старее, чем можно сосчитать. Она устала, как устаёт старуха, которая родила слишком много детей и кормила их всех своим телом. Дети рыли её, жгли, пили из неё. И она

истончилась, и небо над ней поредело, как волосы у старухи. Тогда пришли семеро и сказали: мы вылечим небо. Они построили на небе семь колец и надели их на неё, как надевают ошейник. И брали за это плату. Год брали, десять лет, сто. И небо устало быть в долгу. Небо сказало: довольно. И упало на них.

Он помолчал, и в тишине снова стало слышно, как капает под потолком.

— Это говорит Книга. А Книгу писали люди, которых там не было. Сегодня вы слушаете тех, кто там был.

Шуруп взял чёрную коробку и начал крутить ручку завода, медленно и с усилием, будто заводил не механизм, а что-то давно умершее. Внутри зажужжало, защёлкало и зашипело, и серые затаили дыхание все разом, как один человек.

— Голос с неба, — сказал Шуруп. — Слушайте.

◆ ◆ ◆

II. ГОЛОС С НЕБА

Небо помнит своих. Тех, кто держал его до последнего, оно не роняет: оно забирает к себе.

— «Голоса из трубы». Песнь о Голосе с неба

Вахта Тамар Ренн

Станция «Чёрная звезда» висела в четырёхстах километрах над Голкондой и вращалась так медленно, что этого никто не замечал, точно так же как люди внизу не замечают вращения земли у себя под ногами.

У станции было восемь солнечных крыльев, расходящихся лучами от тёмного центра, и этот центр был чёрным вовсе не ради красоты и не для устрашения, как думали внизу. Обшивку центрального кольца сделали из материала, который глотал свет, потому что под ней, в нижнем кольце, жило то, что не выносило холода. По сути, вся станция с её крыльями, пультами, буксирами и экипажем в две сотни человек была огромной ладонью, протянутой к солнцу, чтобы держать в тепле что-то живое.

С земли станция выглядела звездой, в середину которой воткнули дыру, отсюда и пошло её имя. На каждом крыле белым по чёрному была нанесена эмблема владельца, восьмиконечная звезда, и больше ничего, потому что в те годы Дом Астерия ещё не нуждался в воронах.

Тамар Ренн заступила на вахту в ноль сорок.

Ей было тридцать два года, и двенадцать из них она провела на орбите, а последние шесть лет её домом оставалась «Звезда». В личном деле вахтенного инженера «Венца» значились навигация синхронизации и третий допуск, но не было фамилии ни одного из Домов, как и у большинства экипажа: станциями владели Дома, а работали на них обычные люди.

Под комбинезоном у Тамар вдоль позвоночника шёл стальной корсет, вросший в рёбра, а под ключицей сидел шунт с маленькой крышечкой, куда раз в три дня она вводила ампулу из медотсека, выданную под роспись. Жидкость в ампулах была прозрачная, с лёгким голубым отсветом, и пахла озоном. Без неё уже через месяц корсет начал бы вращаться не туда, а через три месяца позвоночник Тамар Ренн перестал бы быть позвоночником.

Она знала это так же спокойно, как знала, за сколько секунд импульс доходит от «Звезды» до самой дальней станции кольца, и так же спокойно это знали все, кто носил на орбите железо. На обучение навигатора уходило пятнадцать лет, его опыт нельзя было ни записать, ни передать, и служить такой человек должен был долго, тогда как радиация на этой высоте сжигала живое тело за пять-шесть лет. Железо служило дольше тела, а нектар делал так, чтобы тело не отвергало железо.

Нектаром его прозвали в лабораториях, потому что его давал «Улей».

«Улей» был лабораторным модулем в нижнем кольце, закрытым для третьего допуска, и за шесть лет Тамар ни разу не побывала внутри, хотя каждый день проходила мимо его шлюза и каждый день слышала гудение. Гудело там не по-машинному, а неровно, то громче, то тише, и казалось, что звук идёт не из-за двери, а из самих стен, так что первые месяцы у Тамар от него ныли зубы.

Люди Дома Астерия в белых халатах входили туда и выходили, носили внутрь контейнеры с ничем не значащей маркировкой и никогда ни о чём не рассказывали. Лишь однажды за ужином молоденькая болтливая лаборантка Агата обмолвилась, что там живое, что его кормят и что оно болеет, как ребёнок, если в отсеке остынет хоть на градус. Потом она спохватилась, побледнела и замолчала, а через неделю её перевели на другую станцию, и больше Тамар её не видела.

Раз в месяц от нижнего шлюза «Звезды» отходили беспилотные буксиры, маленькие и тупоносые, с восьмиконечной звездой на борту. Они расходились по кольцу к сорока станциям «Венца» и везли каждой её квартальную долю, контейнеры с литерой «Н». На каждой станции были свои люди с железом в телах, свои навигаторы, оптики и наладчики, и эти буксиры они ждали так, как осаждённый город ждёт обоза.

В последние годы контейнеры уходили и вниз, на поверхность, потому что «Улей» стал давать больше, чем требовала орбита, и нектар начали колоть себе главы Домов и те немногие внизу, кто был достаточно богат, чтобы менять собственную плоть на металл. Глядя, как уходят вниз эти контейнеры, Тамар думала, что всё на свете рано или поздно уходит туда, где за него больше платят.

Она заняла место у пульта и, как всегда в начале вахты, позволила себе минуту посмотреть вниз.

Голконда лежала под ней ночной стороной, огромная и бурая, в редких пятнах огней, и с этой высоты было видно то, чего никогда не разглядишь снизу, живя день за днём: насколько она стара. Отсюда видны были русла рек, высохших так давно, что о них не осталось даже песен, и только тонкие борозды на равнинах, похожие на морщины, ещё показывали, где когда-то текла вода. Видны были белые от соли впадины бывших морей и мёртвые города по их краям, построенные когда-то на берегу, и тысячи рудников, воронки, рубцы и отвалы, которые даже с орбиты казались горами.

Голконда была богата, и на древнем языке её имя означало что-то вроде «сокровищницы». Люди веками вынимали из неё сокровища, пока не вынули и то, что сокровищем не было, а было просто её жизнью.

Академические лекции Тамар помнила наизусть. Планета умирала дольше, чем существовала история: ещё за тысячелетия до людей начал слабеть невидимый щит, окружавший её, словно скорлупа, и солнечный ветер стал понемногу, век за веком, сдирать с неё воздух. Это шло так медленно, что сотни поколений ничего не замечали, и каждому казалось, что небо над ним такое же, каким было над его дедом.

Потом пришли люди и стали брать из недр всё, что там лежало, жечь это и выбрасывать в небо то, что оставалось от сожжённого, так что на работу, которой природе хватило бы на тысячи лет, у них ушло лишь несколько веков. Небо поредело, воздух стал тяжёлым и скудным, летом от него болела голова, а в плохие годы на улицах носили маски. И всё же им можно было

дышать: города стояли под открытым небом, дети бегали по улицам с открытыми лицами, и мало кто задумывался, что это ненадолго.

Сорок лет назад семь Домов, богатейших семей Голконды, подняли на орбиту «Венец», сорок одну станцию, которые легли кольцом вокруг планеты, словно корона на голову больной старухи. Двенадцать зеркал Гелиоса заслоняли её от жёсткого солнца и направляли тепло туда, где оно было нужно, рассеиватели Сибиллы засеивали верхние слои реагентами и латали поредевшее небо, а биореакторы Ириса выдыхали в атмосферу то, чего ей не хватало.

Лечением это не было, врачи называют такое поддерживающей терапией: умирающего подключают к машинам, и машины дышат за него и качают за него кровь, а он лежит тёплый и розовый, и родным кажется, что он просто спит.

Сердцем всей этой сети была «Звезда», откуда каждые восемь секунд уходил импульс, по которому сорок станций сверяли углы зеркал, мощность рассеивателей и ритм реакторов, всё своё общее дыхание. Без импульса станции не знали, где небо, и инструкторы в академии любили повторять: отключи сердце, и сеть умрёт за неделю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.